

ТМ

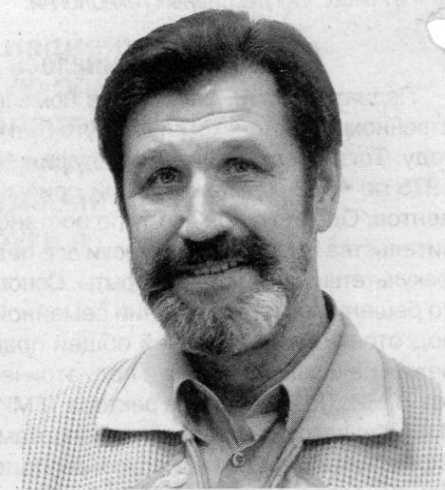
№ 6 (73), 4 апреля 2006 г.

8

Эксгумация

Встать! Суд идёт!

(истории с продолжением)

Добродушно и не смущаясь он ответил: «Бензопилой». Вместе мы рассмотрили при скромном оконном свете (электрорификация обошла мертвецкую стороной) «линейный перелом». Им оказалась сосудистая борозда. Хирург, привыкший в одиночестве, которое он был обречён в этом глухом месте, к непререкаемости своего авторитета, стал многословно рассуждать о чём-то, вроде бы не оправдываясь и в то же время не призывая напрямую своей оплошности. Проще было сказать что-то вроде: «Винovat – бес попутал или... плохо было видно в бликующем свечном пламени». Судья ещё прислушивался к его «доводам». Мне же стало понятно, что причина смерти не будет установлена. Прощаясь со мной, судья не скрывал своего профессионального удовлетворения: «Как только получу от вас заключение, сразу же прекращу дело из-за отсутствия состава преступления и освобожу Егора из-под стражи!».

Возвращаясь в северном трудяжке Ан-2 в Тюмень, я думал: «Сколько таких Егоров отбыло свой срок и сидит из-за доморощенных судебных медиков, равнодушных следователей, добывающихся раскрытия «преступления», и нелюбопытных судей?». Небо за иллюминатором обложили свинцовые тучи, и очаровавший меня пейзаж превратился в серую массу, сквозь которую продиралась еле заметная тень нашего самолёта.

вило, одерживал суд.

А здесь провинциальный судья, вопреки устойчивой сложившейся практике, сам возлагает на себя столь неприятные и громоздкие процедуры как выкапывание гроба на кладбище, транспортировка в морг, присутствие при вскрытии трупа, возвращение его в потревоженную могилу. По телефону мне не удалось убедить столь редкостного энтузиаста, что лучше это сделать обычным порядком, после возвращения дела на стадию предварительного расследования. Я плохо представлял себе, как персона, привыкшая возвышаться за судейским столом, обеспечит проведение этого действия, редкого и трудоёмкого даже для прокурорского следователя, охотно использующего свои властные полномочия и в качестве дармовой силы мелких хулиганов из милицейской КПЗ.

Самолётчик последний раз натужно взревел уставшим мотором и застыл на утрамбованной песчаной полосе поселкового аэропорта. От единственного здания, должностящего символизировать аэровокзал, на встречу мне шёл невысокий лысоватый мужчина, лет на пять старше меня, со спокойным приветливым взглядом и томиком угольного дела подмышкой. После обмена приветствиями судья подвёл меня к грузовому УАЗику с открытым верхом, за низкими бортами которого валялись лом, лопаты и верёвки. Указав мне на пассажирское место, он сунул мне рыхлаый фольгапакет в мягкой обложке, сшитый суровой белой нитью. Сам сел за руль грузовичка и плавно тронул с места. Машина послушно катилась среди скудного мелколесья, оставляя в стороне неказистые жилые дома, и через четверть часа затормозила на крохотном кладбище, где у нетронутой могилы нас ждали степенные люди, почему-то не коротавшие время за куревом или водкой. Оказалось, это местные кержаки², воспротивившиеся тому, чтобы на их вековом кладбище хозяйничали чужие люди. Поэтому добровольно и из уважения к судье предложили себя в качестве копалей после того, как он убедил их в необходимости «осквернения» могилы. Пока шли раскопки, я просматривал в угольном деле разлохмаченные и пропахшие табаком страницы милицейских протоколов, добираясь до главного – экспертного заключения по трупу. Черепно-мозговая травма, приведшая к смерти, была описана в нём лаконично – «линейный перелом основания черепа». Ни точной локализации, ни размеров. Так описы-

вают повреждения хирурги на операциях, когда из-за ограниченного доступа невозможно осмотреть всю интересующую область. Так и есть: вскрывал труп хирург поселковой больнички. Именно хирургам, в силу их совестливости и инструментальной близости к человеческому телу, и в Советском Союзе, и сейчас, в России, приходится выполнять судебно-медицинскую работу в малонаселённых территориях.

В это время судья оформил протокол выполняемого процессуального действия, включив в него и меня. До сих пор не понимаю, зачем законодатель упорно (из одного кодекса в другой!) обяывает судебно-медицинского эксперта присутствовать при извлечении трупа из кладбищенской могилы. Кержаки выполняли неприятную работу аккуратно, молча и не выказывая какой-либо брезгливости. Погрузив гроб в машину, в больницу пошли пешком. Дожидались мы их около морга, который представлял собой избушку с русской покосившейся печкой в одном углу и деревянной бочкой (но зато в ней плавал медный ковшик!) в другом. В центре стоял деревянный стол, обитый ржавой жестью, и помойное ведро. Прямо на печи лежали плотницкий молоток и долото, хирургический нож и скальпель. Разговорились с судьёй. Родом он был из здешних мест. Работая водителем рыбоучастка, заочно окончил юридический институт, затем служил в районной администрации. А судьёй первый год. На эксгумации настоял потому, что все собранные милицией «доказательства» убийства рассыпались при тщательном судебном расследовании. Осталось непроверенным одно – причина смерти.

Когда кержаки выгрузили труп на стол, судья сам вызвался записывать под мою диктовку исследовательскую часть вскрытия. Отсутствие в избушке пилы настроило меня на мысль о том, что череп был не вскрыт. Для разовых экспертов это было обычным явлением: кому хочется вручную распиливать голову в промёрзшем «секционном зале» и при отсутствии санитарки. Но подозрения оказались напрасными, только распил был необычно широким.

Кстати подошёл хирург – огромный детина с кулачищами молотобойца. «Как он с раной-то управляется? С такими ручищами только в механизаторы. Давно бы героем Социалистического Труда стал», – подумал я. А вслух спросил: «А чем вы череп распилывали?».

¹ Статья 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР «Возвращение дела для дополнительного расследования» действовала до 1.07.2002.

² Кержаки (старобрядцы, раскольники) – противники церковной реформы, проведенной в 1653 году патриархом Никоном, и бежавшие в удалённые районы страны, чтобы сохранить свою веру.